



К. В. МОЧУЛЬСКИЙ

Достоевский. Жизнь и творчество

<Фрагмент>

<...> Рассмотрев идейную архитектуру романа и его драматическую композицию, мы обращаемся теперь к третьей стороне искусства Достоевского — к художественному воплощению. Его герои не аллегорические фигуры, а люди, одаренные могучей жизненной силой. Кажется, что они дышат не воздухом, а чистым кислородом, не живут, а горят. Напряженной жизненностью наделено все семейство Карамазовых.

Федор Павлович — обрюзгший человек 55 лет. У него длинные, мясистые мешки под глазами, маленькие, наглые, подозрительные и насмешливые глаза, множество морщинок на жирненьком личике, острый подбородок с мясистым и продолговатым кадыком, длинный рот с пухлыми губами. Он брызгается слюной, когда говорит; у него «отвратительно-сладострастный вид». Старик гордится своим большим, тонким носом с горбинкой. «Настоящий римский, говорил он, вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка». Федор Павлович смутно чувствует свое родство: в нем, действительно, живет душа древнего языческого мира, космическая сила, безудержная стихия пола.

В натуре его — нечто от фавна и сатира. Вождеделение его ненасытимо, так как уходит в безмерность. Это совсем не физическая чувственность, ищущая и находящая удовлетворение, это — духовная страсть, жажда, вечная распаленность, сладострастие. «Земляная карамазовская сила» в Федоре Павловиче элементарна и безлична. Он любит не женщин, а **женщину**, похоть его не возвышается еще до эроса. «За коньячком» отец интимничает с сыновьями. Чем-то древним и жутким веет от его признаний. «Для меня даже во всю мою жизнь не было безобразной женщи-

ны, вот мое правило! Можете вы меня понять?.. По моему правилу во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь — только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Для меня мовешек не существовало: уж одно то, что она женщина, уж это половина всего... Даже вельфильки, и в тех иногда отыщешь такое, что только диву даешься на прочих дураков, как это ей состариться дали и до сих пор не заметили! Босоножку и мовешку надо сперва-наперво удивить — вот как надо за нее браться».

Но древнее язычество кончилось. Великий Пан умер, и фавны превратились в демонов. Федор Павлович не только сладострастник, но и злой шут, циник и богохульник. Невинное бесстыдство природного божка переходит в наслаждение собственным срамом и падением. Фавн более не невинен: он знает, что похоть его греховна и защищается шутовством и цинизмом. Его бесстыдство — извращение чувства стыда. После непристойных выходов «сладострастник» в монастыре, старец Зосима говорит ему: «**Не стыдитесь** столь самого себя, ибо отсего лишь все и выходит». И Федор Павлович восклицает, что прозорливец этим своим замечанием «насквозь его прочкнул». «Именно мне все так и кажется, прибавляет он, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня за шута принимают... Вот потому я и шут, **от стыда шут...** От мнительности одной и буяню». Стыд, мнительность, уязвленное достоинство, мстительность и упоение собственным позором — таков сложный состав шутовства старика Карамазова. Погруженность в половую стихию делает человека слабым и боязливым. Федор Павлович не верит в Бога, но боится ада. Он «намерен как можно дольше на свете прожить», хочет «еще лет двадцать на линии мужчины состоять», а для этого копит деньги; сладострастник — естественный стяжатель. Деньги позволяют ему беззаботно предаваться своей «скверне», но не спасают от страха смерти. Он знает свой грех и для спокойствия ему нужно быть уверенным, что нет ни Бога, ни загробной жизни... «Видишь ли, признается он Алеше, я об этом, как ни глуп, а все думаю, все думаю, изредка, разумеется, не все же ведь. Ведь невозможно же, думаю, чтобы черти меня крючьями позабыли стащить к себе, когда я помру... А коли нет крючьев, и все побоку, значит опять невероятно: кто же меня-то тогда крючьями-то потащит, потому что, если уж меня-то не потащут, то что же тогда будет, где же правда на свете?» Это неожиданное признание проливает новый свет на циника и богохульника. «Карамазовская» безмерная сила жизни в Федоре Павловиче ушла в похоть и раз-

врат; но как ни подавлена она этой низменной стихией, природа ее остается духовной и творческой. Сладострастник судит себя сам и **жаждет правды**. Более того: он способен, сидя по горло в «скверне», мгновениями чувствовать красоту и любить добро: на второй своей жене, «сиротке» Софье Ивановне он женился без расчета из-за одной ее красоты. «Меня эти невинные глазки, как бритвой, тогда по душе полоснули», — говаривал он потом.

Алешу любит он искренно и нежно и надеется на него «как на последнее»: не оскорбляет его религиозного чувства и даже просит помолиться за него. Алеша скорбно размышляет о своей семье: «Тут “земляная карамазовская сила”, земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой силы и того не знаю...» Но Достоевский верил в великую и спасающую силу матери-Земли: «безудерж» Карамазова отца — хаотическое кипение творческих сил, которым предназначено преобразить мир.

